

ПСИХОПАТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

М.П. Сергеев, В.С. Гордова

Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Творчество многих поэтов оказывает большое психологическое воздействие на читателей, так как содержание стихов почти всегда насыщено яркими эмоциональными переживаниями. На определённом этапе своей жизни каждый человек может начать писать стихи, сублимируя сильные, неотрагированные чувства. "Я смотрю в эту чёрную бездну, я бессмертьем пришта к годам, будет день, я, наверно, исчезну, но тебе я исчезнуть не дам". Это стихи девушки — пациентки врача-психиатра, переживавшей в тот период разлуку с возлюбленным, чувства тоски, печали, присущие депрессивному состоянию. Как и в этом случае, психиатры довольно часто сталкиваются с творчеством людей, имеющих психоэмоциональные проблемы, например, при проведении посмертной судебно-психиатрической экспертизы в отношении лица, завершившего свою жизнь самоубийством. При этом творчество суицидента может быть единственным источником объективной информации, свидетельствующей о причинах его деструктивного поведения.

До настоящего времени неизвестными являются мотивы самоубийства великого поэта прошлого века Марины Ивановны Цветаевой.

Что мы знаем о ней? М.И. Цветаева родилась 26 сентября 1892 г., умерла 31 августа 1941 г., в возрасте 48 лет, закончив свою жизнь самоубийством через повешение. К моменту смерти проживала в Елабуге, в доме 10 по улице Ворошилова, работала в государственном литературном издательстве переводчицей. В предсмертной записке, обращенной к сыну, написала следующее: "Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это — уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь — что любила их до последней минуты и объясни, что попала в тупик" [1].

Чтобы понять, что же заставило М.И. Цветаеву считать себя "тяжело больной", "попавшей в тупик", необходимо проследить весь её жизненный путь.

Известно, что М.И. Цветаева родилась в семье интеллигентов. Отец — Иван Владимирович Цветаев, профессор Московского университета, основатель Музея изящных искусств, умер в 1913 г. от болезни сердца. Дочь "очень любил, считал талантливой, способной, развитой" [2]. Мать — Мария Александровна Мейн, поэтесса и пианистка, умерла летом 1906 г. от туберкулеза. Имела "главенствующее влияние" в семье, требовала от дочери гениальности, "ставила на неизвестное, на себя — тайную, на себя — дальше, на несбывшегося сына Александра, который не мог всего не мочь" [1]. "Когда вместо желанного, предreshённого, почти приказанного сына Александра родилась только всего я, мать, самолюбиво проглотив вздох, сказала: "По крайней мере, будет музыкантша" [2].

Марина Цветаева до десяти лет жила в Москве, вместе с матерью, отцом, младшей сестрой Анастасией и двумя детьми отца от первого брака, Валерией и Андреем. Интеллектуально развивалась быстрее своих сверстников; немецкий и русский — первые языки, французский — к семи годам, владеет в совершенстве — всеми тремя. Свободно читала в четыре года, в пять играла на рояле. С раннего детства Марина Цветаева стремилась соответствовать требованиям матери, чувствовала обиду, недостаток любви, внимания с её стороны: "Я у своей матери старшая дочь, но любимая — не я. Мною она гордится, вторую — любит".

С детства характер будущего поэта был своеобразным, имел шизоидные, возбудимые, демонстративные, меланхолические черты, суждения о жизни и о себе были категоричными, катимными. Вот как М.И. Цветаева описывает себя в возрасте 7 лет. "Я: страстная любовь к чтению и писанию, равнодушие к играм, любовь к чужим, равнодушие к своим, вспыльчивость, переходящая в ярость, непомерное самолюбие, рыцарство, ранняя любовная любовь, дикость, равнодушие к боли, сдержанность и смущенность в ласке, всё в добром, ничего — злом! — строптивость, отпор, упор, растроганность до слез собствен-

ным пением — словом — интонацией — нелюбовь и презрение к грудным детям, желание потеряться, пропасть, полное отсутствие непосредственности: играла для других, когда глядят, упивание горем (...), ожесточенное упрямство (никогда — зря!) — сломишь, а не согнешь! Природная правдивость при отсутствии страха Божьего (Бог у меня начался только с 11 лет, да и то не Бог, Христос, после Наполеона!) — вообще отсутствие Бога, полувере, недуманье о нем, любовь к природе — болезненная, с тоской, наперед-расставанием, каждая березка — как гувернантка, которая уйдет. Мальчишество. Конскость. Вся — углами, остриями" (11 июня 1920 г.) [4].

Осенью 1902 г. М.И. Цветаева вместе с матерью переехала на Итальянскую Ривьеру, близ Генуи, летом 1904 г. — во Фрейбург, в 1906 г. вернулась в Москву. С 1902 г. по 1910 г. училась в гимназиях Лозанны, Фрейбурга, Москвы, закончила 7 классов. С 5 лет стала искать рифмы к словам, но первые настоящие стихи написала в 1906 г. (14-15 лет), после смерти матери [1]. В 1910 г. вышла в свет её первая книга "Вечерний альбом". В этих стихах М.И. Цветаева отразила воспоминания о детстве, родных и знакомых, размышляла о взрослой жизни. Меланхолические черты, как "наследство", полученное от матери, отчётливо прослеживались у неё в стихотворении "Маме" [5]:

*В старом вальсе штраусовском впервые
Мы услышали твой тихий зов,
С той поры нам чужды все живые
И отраден беглый бой часов.*

*Мы, как ты, приветствуем закаты,
Упиваясь близостью конца.
Все, чем в лучший вечер мы богаты,
Нам тобою вложено в сердца.*

*К детским снам, клонясь неутомимо
(Без тебя лишь месяц в них глядел!),
Ты вела своих малюток мимо
Горькой жизни помыслов и дел.*

*С ранних лет нам близок, кто печален,
Скучен смех и чужд домашний кров...
Наш корабль не в добрый миг отчален
И плывет по воле всех ветров!*

*Все бледней лазурный остров-детство,
Мы одни на палубе стоим.
Видно, грусть оставила в наследство
Ты, о мама, девочкам своим!*

Летом 1911 г. в Коктебеле в возрасте 18 лет Марина Цветаева познакомилась с 17-летним Сергеем Эфроном — красивым, высоким, болезненным (страдал туберкулёзом), пламенным, великодушным юношей, в 1912 г. вышла за него замуж [2]. В этом же году опубликовала вторую книгу своих стихов "Вечерний фонарь". В 1913 г. родила дочь и назвала, вопреки желанию мужа и отца, Ариадной. "Я назвала её Ариадной ... от романтизма и высокомерия, которые руководят всей моей жизнью. — Ариадна — ведь это ответственно. — Именно поэтому" [2].

В 1913 г. впервые в творчестве М.И. Цветаевой, молодой женщины, вышедшей замуж по большой любви, материально обеспеченной, родившей долгожданную дочь, появляются неблагоприятные стихи. В них — тоска, противопоставление себя окружающему миру, который не принимает ее. Можно было бы связать депрессивное состояние Цветаевой со смертью отца. Однако — это событие никак не отражено в творчестве поэта [5].

*Посвящаю эти строки
Тем, кто мне устроит гроб.
Приоткроют мой высокий
Ненавистный лоб.
Измененная без нужды,
С венчиком на лбу,
Собственному сердцу чуждой
Буду я в гробу.
Не увидят на лице:
"Все мне слышно! Все мне видно!
Мне в гробу еще обидно
Быть как все".
В платье белоснежном — с детства
Нелюбимый цвет!
Лягу — с кем-то по соседству?
До скончанья лет.
Слушайте! — Я не приемлю!*

*Это западня!
Не меня опустят в землю,
Не меня.
Знаю! — Все сгорит дотла!
И не приютит могила
Ничего, что я любила,
Чем жила.*

*Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.
Застынет всё, что пело и боролось,
Сияло и рвалось:
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.
И будет жизнь с ее насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет всё — как будто бы под небом
И не было меня!
Изменчивой, как дети, в каждой мине
И так недолго злой,
Любившей час, когда дрова в камине
Становятся золой,
Виолончель и кавалькады в чаще,
И колокол в селе...
Меня, такой живой и настоящей
На ласковой земле!
К вам всем — что мне, ни в чем
не знавшей меры,
Чужие и свои?!
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.
И день и ночь, и письменно и устно:
За правду да и нет,
За то, что мне так часто — слишком грустно
И только двадцать лет,
За то, что мне — прямая неизбежность —
Прощение обид,*

*За всю мою безудержную нежность,
И слишком гордый вид,
За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
Послушайте! — Еще меня любите
За то, что я умру [5].*

Последующие два года — относительно спокойный период, стихов мало, посвящены в основном дочери и мужу, но весной и осенью 1915 г. в стихах появляются эмоционально насыщенные мысли о смерти [3].

*Цветок к груди приколот,
Кто приколот, не помню.
Ненасытим мой голод
На грусть, на страсть, на смерть.
Виолончелью, скрипом
Дверей и звоном рюмок,
И лязгом шпор, и криком
Вечерних поездов,
Выстрелом на охоте
И бубенцами троек —
Зовете вы, зовете
Нелюбленные мной!
Но есть еще услада:
Я жду того, кто первый
Поймет меня, как надо —
И выстрелит в упор.*

До 1916 г. Марина Цветаева вместе с семьёй проживала в Феодосии, затем переехала в Москву, так как осенью 1916 г. муж ушёл на фронт добровольцем, и встретились супруги только через 5 лет. Этот период соответствует бурной творческой деятельности поэта.

21 июля 1916 г., письмо к П.И. Юркевичу: "Долго, долго, с самого детства, с тех пор, как я себя помню, мне казалось, что я хочу, чтобы меня любили. ... Я так стремительно вхожу в жизнь каждого встречного, который мне чем-нибудь мил, так хочу ему помочь и пожалеть, что он пугается — или того, что я его люблю, или того, что он меня полюбит и что расстроится семейная его жизнь. Этого не говорят, но мне всегда хочется сказать,

крикнуть: "Господи, Боже мой! Да я ничего от Вас не хочу. Вы можете уйти и вновь прийти, уйти и никогда не вернуться — мне все равно, я сильная, мне ничего не нужно, кроме своей души!" ... Вся моя жизнь — роман с собственной душой, с городом, где живу, с деревом на краю дороги — с воздухом. И я бесконечно счастлива. Стихов у меня много, после войны издали сразу две книги" [3].

В апреле 1917 г. рождается вторая дочь Ирина, с двумя детьми на руках М.И. Цветаева остается одна. Революция 1917 года лишает её источника существования — деньги в банке пропали, собственный дом перестал быть собственным [3].

*Плохо сильным и богатым,
Тяжко барскому плечу.
А вот я перед солдатом
Светлых глаз не опушу.*

*Город буйствует и стонет,
В винном облаке — луна.
А меня никто не тронет:
Я надменна и бедна.*

Ухудшение бытовых и материальных условий приводит к ухудшению душевного состояния. "Слушаю музыку, как утопающий. Люди жестоки. Никому нет дела до моей души. Моя жизнь, как эта записная книжка: сны, отрывки стихов тонут в записях долгов, керосина, сала. Я действительно гибну, моя душа гибнет. От стихов или музыки сейчас — слезы. ... Как бы мне хотелось говорить стихи бесконечно, чтобы меня любили! (ноябрь 1917 г.)" [4].

Впервые появляются навязчивый счёт, сверхценные идеи отношения, на их фоне — мысли о смерти. В отличие от 1913-1915 гг. можно четко проследить циклический характер творчества по количеству написанных стихов, в осенних стихах больше депрессивных мыслей [3].

*Два цветка ко мне на грудь
Положите мне для воздуха.
Пусть нарядной тронусь в путь,
Заработала я отдых свой.*

"...Потеряла за три дня 1) старинную овальную флорентийскую брошку (сожгла), 2) башмаки (сожгла), 3) ключ от комна-

ты, 4) ключ от книжного шкафа, 5) 500 р. О, это настоящее горе, настоящая тоска! Но горе — тупое, как молотом бьющее по голове. Я на одну секунду было совершенно серьезно — с надеждой поглядела на крюк в столовой, как просто! я испытывала самый настоящий соблазн. Смерть страшна только телу. Душа ее не мыслит... в самоубийстве — тело — единственный герой... (апрель 1919 г.)" [4].

*Я не хочу ни есть, ни пить, ни жить.
А так — руки скрестить, тихонько плыть
Глазами по пустому небосклону.
Ни за свободу я — ни против оной.
О Господи! Не шевельну перстом.
Я не — дышать хочу — руки крестом!* [3].

"...Все визиты ко мне: или из сожаления, или из желания восторга... Никто не приходит просто. ...Иногда ловлю себя на дурацком занятии: подсчитываю. Но странно: + и + и + все-таки получается нуль (+++=0) (июнь 1919 г.)" [4].

"Самое лучшее во мне — не лично, и самое любимое мое — не лично. Я никогда не пишу, всегда записываю, (в т.ч. вписываю, как по команде). Я просто — верное зеркало мира, существо безличное. И, если бы не было моих колец, моей близорукости, моих особенно — лежащих волос (на левом виске выются вверх, на правом вниз), всей моей особенной повадки — меня бы не было (июль 1919 г.)" [4].

"Меня презирают — (и вправе презирать) — все. Служащие за то, что не служу, писатели за то, что не барыня, барыни за то, что в мужских сапогах (прислуги и барыни!). Кроме того — все — за безденежье, $\frac{1}{2}$ презирают, $\frac{1}{4}$ презирает и жалеет, $\frac{1}{4}$ жалеет ($\frac{1}{2} + \frac{1}{4} + \frac{1}{4} = 1$) (28 ноября 1919 г.)" [4].

В 1920 г. состояние усугубляется в связи со смертью трёхлетней дочери Ирины, которая умерла от голода в приюте. В её смерти Марина Цветаева винит себя, депрессивные идеи отношения остаются на всю жизнь.

"У меня большое горе, умерла в приюте Ирина, 3 февраля, 4 дня назад. И в этом виновата я. Я просто еще не верю! — Живу со сжатым горлом, на краю пропасти. Господи, если придется Алю (Ариадну) отдать в санаторий, я приду к Вам, буду спать

хотя бы в коридоре или на кухне — ради Бога! — я не могу в Борисоглебском, я там удавлюсь (Москва, 7/20 февраля 1920 г.)" [4].

"... С людьми мне сейчас плохо, никто меня не любит, никто — просто ... не жалеет, чувствую всё, что обо мне думают, это тяжело. Да ни с кем и не вижусь (25 февраля 1920 г.)" [4].

На Н. Мандельштам, в тот период М.И. Цветаева произвела "впечатление абсолютной естественности и сногшибательного своенравия. ... Она была с норовом, но это не только свойство характера, а ещё и жизненная установка. ...она везде и во всём искала упоения и полноты чувств. Ей требовалось упоение не только любовью, но и покинутостью, заброшенностью, неудачей" [2].

Мысли о смерти ярки в мае-июне 1920 г. В июне 1920 г. появляются мысли о самоубийстве через повешение, весной 1921 г. — через отравление. Суицидные мысли захлестывают сознание М.И. Цветаевой. Она становится "не вольна над собой". Идеи отношения приобретают более негативный оттенок. Чётко прослеживается циклический характер творчества [3].

"Мои стихи никому не нужны: у НН есть Пушкин и Бунин, у М<илио>ти свои (плохие). Пишу только для себя — чтобы как-нибудь продышаться сквозь жизнь и день. Никто не знает, на каком волоске я вишу (10 мая 1920 г.)" [4].

"О, я себя боюсь! Я ведь совсем не вольна над собою. С каким страхом я тысячу раз в день прислушиваюсь к себе: ну как? — ничего, кажется. И вдруг — пустота, упадок воли, день бесконечен, ничто не могу, ложусь на диван, двинуться не могу, умереть! умереть! умереть! — и ничего не случилось, день шел, солнце светило, никто не обидел. Моя душа одинаково открыта для радости, как и для боли, с меня не просто кожа содрана. Я не знаю, как живут другие, я знаю только, что я десять раз в день хочу — рвусь! — умереть (май, 1920 г.)" [4].

"Быстро — быстро — быстро — ни пером, ни мыслью не угонюсь — думаю о смерти. Рана: маленькая дырочка, через которую уходит — Жизнь. Смерть для меня будет освобождением от избытка, вряд ли удастся умереть совсем. Я, более чем кто-либо достойна умереть через кровь (em Blutstrohl — поток крови

(нем.), с грустью думаю о том, что неизбежно умру в петле (июнь 1921 г.)" [4].

"Почему меня никто не любит? Не во мне ли — вина? ... Мне и так уж кажется, что со мной говорят только из жалости (одна — и ребенок умер — и с мужем разлучена — и Аля такая худая — и к тому же талантливая, кажется). Откуда это у меня — с детства — чувство преследования? Не была ли я еврейкой в Средние века? В глазах каждой встречной дамы читаю: Если бы тебя одеть! И ни одна не читает в моем открытом правдивом взгляде коварного: Если бы тебя раздеть! (весна 1921 г.)" [4].

*Столкнув меня в канаву —
Благое дело сотворите мне
Что из-за Вас — новый холм (23 мая 1920 г.).*

*Затем и посылает беды
Бог, что живой меня на небо
Взять замышляет за труды (16 мая 1920 г.).*

*Мне ж от Бога будет сон дарован
В безымянном, но четном гробу (21 мая 1920 г.).*

*Мне женихом — топор послужит,
Помост мне будет алтарем! (25 мая — 13 июля 1920 г.).*

*Руки заживо скрещены,
А помру без причастья (июнь 1920 г.).*

*Как мне хочется,
Как мне хочется
Потихонечку умереть! (июль 1920 г.).*

*Я на красной Руси
Зажилась — вознеси! (октябрь 1920 г.).*

*Знаю, умру на заре! На которой из двух,
Вместе с которой из двух — не решишь сразу! (декабрь 1920 г.).*

*Пожелайте мне смуглого цвета
И попутного ветра!*

...в Лету,

Без особой приметы (19 ноября 1921 г.).

*Знаю! Нечаянно
В смерть отступлюсь (20 ноября 1921 г.).*

*Ах, с откровенного отвеса —
Вниз — чтобы в прах и в смоль!*

*Дабы с гранитного надбровья —
Взрыв — выдышаться в смерть!* (30 июня 1922 г.) [3].

В 1922 г. Марина Цветаева узнает о том, что муж в Чехии ждет её приезда. Вместе с дочерью переезжает к нему. В сентябре 1922 г. безумно влюбляется в Константина Родзевича (друга мужа), испытывает неразделённые чувства. Впадает в глубочайшую депрессию, принимает лекарства. "Любовь и бром работают врозь, бром клонит в сон, любовь клонит в смерть". Именно в это время создаёт "Поэму конца". Появляются страх одиночества, деперсонализация, не чувствует себя собой, обостряются негативные идеи отношения.

"Я та песня, из которой слова не выкинешь, та пряжа, из которой нитки не вытянешь. Не нравлюсь — не пойте, не облачайтесь. Только не пытайтесь исправить, это дело не человеческое, а Божье: будет час — сама (т.е. иным велением!) расплету, распушу, песню отдам ветрам, пряжу свою гнездам. Это будет час моей смерти, рождение в другую жизнь (апрель 1923 г.)" [4].

"Думаю о смерти с усладой. Милый, я бы хотела, чтобы это было ... Держи меня крепче, не отпускай, не уступай, не возвращай меня — Жизни. Столкни лучше в Смерть. ... После Вас никого: лучше смерть. Вообще, после нашей встречи я перестала ценить себя. Я завидую каждому встречному, всем простым, вижу себя игрищем каких-то слепых сил (демонов!), а сама у себя под судом, мой суд дороже Вашего, я себя не люблю, не щажу (октябрь — ноябрь 1923 г.)" [4].

"...И убийственно страшит одиночество, вот ½ ч. остаться одной. Чувствую вес каждой минуты. Мыслей почти нет, есть одно что-то, нескончаемое. И — огромная апатия, страшно пойти в лавку за спичками, какой-то испуг (10 ноября 1923 г.)". 15 марта 1926 г., Сувчинскому: "...А о себе и о своем — раздвоении — Вы правы. Но у меня пуще, чем разминование — равнодушие. Мне нет дела до себя. Меня — если уж по чести — просто нет. Вся я — в своем, свое потеряла... Я — это то, что с наслаждением брошу, сброшу, когда умру. Я — это когда меня бросает МОЁ. Я — это то, что меня всегда бросает. "Я", все что не я во мне, все, чем меня заставляют быть. И диалог МОЕГО со мною всегда открывается словами: "Вот видишь, какая ты дура!"

(Моё — мне). И догадалось: "Я" ЭТО ПРОСТО ТЕЛО... Всё НЕПРЕОБРАЖЕННОЕ. Не могу, чтобы это любили. Я его сама еле терплю. В любви ко мне я одинока, не понимаю, томлюсь" [4].

Мысли о смерти присутствуют в стихах, в "Поэме Конца" и в дневниковых записях. Циклический характер творчества по количеству написанных стихов в этот период прослеживается нечётко, так как создаются и стихи, и поэмы.

Благотворно сказывается рождение в 1925 г. сына Георгия (Мура) — активная переписка, статьи, новые книги отвлекают от финансовых и семейных проблем. В 1925 г. семья вновь переезжает, до 1939 г. живёт во Франции. Известно, что за период с 1922 по 1928 гг., у М.И. Цветаевой в России были опубликованы книги стихов "Царь-Девница" и "Версты", в Берлине — "Разлука", "Ремесло", "Психея", поэма "Царь-Девница" и "Стихи к Блоку", в Праге — поэма "Молодец". Позже, в Париже выходит книга стихов "После России". В зарубежной периодической прессе выходят пьесы М.И. Цветаевой "Фортуна", "Приключение", "Конец Казановы", "Метель", "Поэма Горы", "Поэма конца", "Лестница", "С Моря", "Попытка комнаты", "Поэма Воздуха", две части трилогии "Тезей", "Новогоднее", "Красный бычок", поэма "Сибирь", перевод на французский поэмы "Молодец" [1]. Цветаева много встречается с людьми искусства.

Из воспоминаний В.Л. Андреева: "Когда мы встретились в первый раз в Париже, 1925 г., я не мог отделаться от двойственного чувства — той Цветаевой, которой я ожидал, не оказалось: я думал, что она золотоволосая, воздушная, прозрачная — Психея — и вместо этого встретился с женщиной ещё очень молодой ... но поразившей меня своей неженственностью: большие, выразительные мужские руки, движения резкие и порывистые, голос жёсткий и отчётливый. Всё было в ней резко и неуютно. ... Понадобился не один месяц частых встреч ... чтобы понять, что вся эта внешняя резкость не настоящее, а игра, маска, прикрывающая подлинного человека и, прежде всего, человека очень женственного, гордого до болезненности" [2].

Из воспоминаний З. Шаховской: "И не так уж много раз встречалась я с Мариной Цветаевой. Думаю, впервые видела я

её в начале тридцатых годов. Она ... казалась мне отдалённой во времени и вообще совсем особой, ни на кого не похожей. ... Как будто она жила совсем в другом плане, чем все, парила на каких-то высотах, ходила по каким-то вершинам, совершенно не замечая "плана земли", тяжести быта" [2].

Кризисной становится ситуация взросления дочери Ариадны. В детстве боготворившая мать и бывшая фактически ее отражением, Ариадна из девочки-вундеркинда превратилась в своенравную девушку. В дневниковых записях М.И. Цветаевой вновь появляются мысли о смерти. К ухудшению эмоционального состояния прибавляется ухудшение соматического состояния. Стихов мало, пишет в основном автобиографическую прозу, где рассказывает о Москве начала века, о своем детстве: "Герой труда" (о Брюсове), "Живое о живом" (о Волошине), "Пленный Дух" (встреча с Андреем Белым), "Наталья Гончарова" (жизнь и творчество), повести из детства: "Дом у Старого Пимена", "Мать и Музыка", "Черт", "Мой Пушкин" и многое другое [1].

"Весной будет ровно десять лет, как я уехала из России, летом — ровно десять лет, как приехала в Чехию, осенью (1 ноября) ровно семь лет, как уехала из Чехии, т.е. приехала во Францию... Настоящих друзей здесь у меня не было, были только кратковременные дружбы, не выжившие... Во Франции — за семь лет моей Франции — выросла и от меня отошла — Аля. За семь лет Франции я бесконечно остыла сердцем, иногда мне хочется — как той французской принцессе перед смертью — сказать: Rien ne m'est plus. Plus ne m'est rien // Больше мне ничего не остается. Больше мне не остается ничего // (1 января 1932 г.)" [4].

О дочери: "Стоило мне убивать на нее жизнь? Порождать ее восемнадцати лет, отдавать ей свою молодость и в Революцию — свои последние силы???" (21 июня 1933 г.). "Отношения с Алей... последние годы верно и прочно портились...она любила меня до четырнадцати лет — до безумия. Она жила только мною... У меня за эти дни впервые подалось сердце...Не могу ходить быстро, даже на ровном месте. А всю жизнь летала... Но я достоверно — зажила (ноябрь, 1934 г.)" [4].

"Мне часто снится, что я себя убиваю. Стало быть, я хочу быть убитой, этого хочет мое скрытое я, мне самой незнакомое, только в снах узнаваемое, вновь и вновь познаваемое (апрель, 1933 г., в переводе с французского)". "...Мне все эти дни хочется написать свое завещание. Мне вообще хотелось бы не — быть (21 ноября 1934 г.)" [4].

Весной 1937 г. дочь М.И. Цветаевой Ариадна уехала на родину. Осенью того же года уезжает Сергей Эфрон. Уже несколько лет завербованный органами НКВД, он оказывается замешанным в политическом убийстве и срочно, при помощи советской разведки бежит из Франции [2]. В июне 1939 г. М.И. Цветаева вместе с сыном также возвращается в Советский Союз, "чтобы дать сыну Родину". Здесь она временно обитает в Подмоскovie, на съемных квартирах. В конце августа 1939 г. арестовывают Ариадну, в октябре — Сергея Эфрона. М.И. Цветаева остаётся без денег и без жилья, эвакуируется в Елабугу, где работает переводчицей.

В последние годы жизни стихов почти не пишет. Переводит на русский язык поэмы В. Пшавела, баллады о Робин Гуде, немецкие и французские народные песни, несколько стихотворений польских, болгарских поэтов, на французский язык — стихи М.Ю. Лермонтова. "Я б хотел забыться и заснуть" переводит: Ah, m'e'vanourir — mourir — dormir! (Ах, забыться, умереть, уснуть, хотя у Лермонтова нет слова "умереть"). Последний творческий подъем в январе 1940 г., два из четырех стихотворений свидетельствуют о депрессии, в них страх долгой смерти. Мысли о самоубийстве постоянны. Деперсонализация возвращается и остается до момента смерти, о чем свидетельствует и предсмертная записка.

"В общем, подо всем: работой, хождением в Дом Отдыха, поездками в город, беседами с людьми, жизнью дня и снами ночи — тоска ...прошу простить за скуку этого письма, автор которой не я (февраль, 1940 г.)" [4].

Из дневника сына: "Мать плачет и говорит о самоубийстве (27 августа 1940 г.)" [1].

Из письма Г. Эфрона С.Д. Гуревичу: "Я вспоминаю Марину Ивановну в дни эвакуации из Москвы, её предсмертные дни в

Татарии. Она совсем потеряла голову, совсем потеряла волю; она была одно страдание" [2].

"Я больше не живу. Не пишу, не читаю. Все время хочу что-нибудь сделать, но не знаю — что? За город я с таким багажом не поеду: убьют! и загород, вообще, гроб. Я боюсь загорода, его стеклянных террас, черных ночей, слепых домов, это — смерть, зачем умирать так долго? ...Перестала убирать комнату и елемую посуду: тошнит — от всего... Издыхаю. Но — меня жизнь за этот год — добила. Исхода не вижу (август 1940 г.)" [4].

"О себе. Меня все считают мужественной. Я не знаю человека робче себя. Боюсь — всего. Глаз, черноты, шага, а больше всего — себя, своей головы — если это голова — так преданно мне служившая в тетради и так убивающая меня — в жизни. Никто не видит — не знает, что я год уже (приблизительно) ищу глазами — крюк, но их нет, потому что везде электричество, никаких "люстр"?.. Я год примеряю — смерть. Все — уродливо и — страшно. Проглотить — мерзость, прыгнуть — враждебность, исконная отвратительность — воды. Я не хочу пугать (посмертно), мне кажется, что я себя уже — посмертно — боюсь. Я не хочу — умереть, я хочу — не быть (сентябрь, 1940 г.)" [4].

31 августа 1941 г., в воскресенье, когда дома никого не было, М.И. Цветаева осуществила своё желание уйти из жизни, повесившись в сенях избы. Оставила три записки: сыну, Асеевым и тем, кто будет её хоронить. 2 сентября 1941 г. Марину Цветаеву похоронили на Елабужском кладбище. Могила не найдена [2].

Так что же привело Марину Цветаеву к самоубийству? Психологические особенности её характера: природная склонность к меланхолии, неумение приспособливаться к изменяющимся социальным условиям? Принадлежность к социальной группе творчески одарённых людей, в которой самоубийство является нормативным ("Кто кончил жизнь трагически, тот истинный поэт", В.С. Высоцкий)? Хроническая психическая травма? Или нечто большее, что скрывалось за фасадом личностного своеобразия и внешнего психосоциального воздействия?

Предполагаем, что у М.И. Цветаевой с 1913 г. до момента смерти наблюдалась циклотимическая депрессия, возникшая на отягощённом наследственно-конституциональном фоне, без какой-либо видимой причины и, протекавшая определёнными фазами, преимущественно в осенне-зимние периоды, в которые было создано наименьшее число стихотворений, а их содержание имело отчётливые суицидные тенденции. Субъективное неблагополучие, дискомфорт, изменённость самоощущения циклично прослеживались в творчестве Цветаевой, но внешне были малозаметны, совместимы с привычной интеллектуальной деятельностью поэта. На первый план выступала роль личностного склада Цветаевой, её личностного опосредования собственных депрессивных переживаний (романтизм и высокомерие, сногшибательное своеобразие на фоне неприятия своего физического "Я", неудержимые поиски неразделённой любви, как символа смерти, упоение не только любовью, но и покинутостью, заброшенностью, неудачей, с отрешённостью от окружающей действительности и др.). С возрастом и под давлением внешних социально-психологических факторов отмечалось нарастание и удлинение частоты меланхолических фаз. В последний год жизни Цветаевой её депрессия достигла психотического уровня. Эмоциональные страдания значительно ослабили сознательную и волевую регуляцию поведения, был преодолён инстинкт самосохранения и, не меньший по значимости для женщины, инстинкт материнства. Хочется предположить, что обращение М.И. Цветаевой к профессиональному психиатру могло облегчить и прекратить её душевные переживания (особенно в наш век с его большими достижениями в психофармакотерапии и психотерапии). От всего вышесказанного творчество М.И. Цветаевой не теряет своей красоты и привлекательности. Оно по-прежнему остаётся источником эмоционального вдохновения для многих людей, интересующихся поэтическим наследием прошлого.

Литература

1. Саакянц А.А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1999.

2. Саакянц А.А., Мнухин Л.А. Марина Цветаева: Фотолетопись жизни поэта. М.: Эллис Лак, 2000.
3. Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. М.: Эллис Лак, 1994-1995.
4. Цветаева М.И. Неизданное: Записные книжки: В 2 т. М.: Эллис Лак, 2000, 2001.
5. Цветаева М.И. Книги стихов. М.: Эллис Лак, 2000, 2004.